

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гончаров И. А.

Мельник Владимир Иванович,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и литературоведения,
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: melnikvi1985@mail.ru*

**«ДРАГОЦЕННЫЕ ТАЙНЫ И ТАИНСТВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ...»
(И. А. Гончаров в этических спорах своей эпохи)**

Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 14-04-00286

«Этика и поэтика И. А. Гончарова»

Аннотация: Определение нравственно-этических представлений И. А. Гончарова в контексте его споров с современным позитивизмом и вульгарным материализмом. Художественные, цензорские, критические и эпистолярные тексты Гончарова, а также его библиотека, частично сохранившаяся до наших дней, — всё показывает глубокий интерес писателя к трудам современных ему философов-позитивистов, с которыми он полемизирует начиная с первого романа «Обыкновенная история» и до романа «Обрыв» и «Необыкновенной истории». Гончаров был ознакомлен с работами Г. Бокля, Д. Милля и других философов позитивистского толка. Смысл спора состоит в том, что Гончаров возмущён попытками строить нравственность не на традиционно-религиозных основаниях, а на «научных принципах». Полемика Гончарова с позитивной этикой особенно активно ведётся в 1860–1870-е гг., в романе «Обрыв» одной из ключевых является образ нигилиста Волохова. Однако уже в своём первом романе писатель выводит фигуру первого в русской литературе позитивиста Петра Адуева, предварившего отчасти образ тургеневского Базарова (роман «Отцы и дети»). Свою собственную этику Гончаров строит на основании религии.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, этика, романы, позитивизм, вульгарный материализм, наука, анализ, Конт, Милль, Бокль, Писарев, религия, душа.

Проблема этического идеала русских писателей XIX в. является актуальной и в то же время всё ещё мало изученной. Это, впрочем, вполне объяснимо: слишком долгое время вопросы этики, не сводимые к моральному кодексу строителя коммунизма, не привлекали к себе должного внимания учёных. Однако в последний период изучение как истории этики в целом, так и этических проблем в истории

культуры, в том числе и литературы, заметно активизируется. Ещё в 1987 г. вышла в свет «Краткая история этики» А. А. Гусейнова и Г. Ирлитца [9]. Это была первая история этики, вышедшая в послереволюционной России. С 1980-х гг. появляется всё больше трудов, посвящённых изучению нравственно-этических исканий русских классиков прошлого столетия¹.

Вопрос об этическом идеале И. А. Гончарова имеет в каком-то смысле принципиальный характер. Поставить и исследовать его, в сущности, означает внести довольно серьёзные коррективы в оценку творчества этого писателя в целом, в традиционно сложившиеся представления о глубине и масштабности его реализма, о месте романиста в русском литературном процессе XIX в. Ведь автор «Обломова» до последнего времени зачислялся в ряды хотя и талантливых, но «бытописателей». Правда, в последние два десятилетия гончароведы предпринимают попытки пересмотреть сложившиеся представления о гончаровском творчестве. В работах таких исследователей, как Л. С. Гейро, Е. А. Краснощекова, В. А. Недзвецкий, впоследствии В. А. Туниманов и др., — утверждался новый взгляд на Гончарова как на художника, далеко не ограничивающегося задачей бытописания. Были предложены новые трактовки его произведений, свидетельствующие, что Гончаров не только «обличал», «отрицал», но и стремился к глубокому постижению духовно-психологической жизни человека, к размышлению над важнейшими, вечно актуальными вопросами бытия, к утверждению положительных начал, концентрирующих его представления о прекрасном.

В то же время следует отметить, что все эти попытки базировались только на материале самого гончаровского творчества, за рамки которого исследователи предпочитали не выходить. Это в какой-то степени ограничивало возможности новой интерпретации творчества романиста. Ведь этико-философская концепция писателя вырабатывалась в сложных контактах и отталкиваниях, во взаимодействии и борьбе со множеством иных, закрепившихся в истории культуры (от античности до современности) концепций и позиций, в наследовании традиций и, напротив, оппозиции к самым разнообразным этическим взглядам, выражаемым писателями-современниками. Гончаров зорко приглядывался к этическим поискам Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и многих других русских и европейских писателей, о чём свидетельствуют не только его романы, но и его замечания в статьях и письмах.

Например, романиста, исповедовавшего христианский идеал в религии и романтический идеализм как этический постулат, не могла не задеть за живое теория «разумного эгоизма», развёрнутая в романе Н. Г. Чернышевского «Что

¹ См., например: *Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой: художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981. 176 с.; *Лазарева А. Н.* Мировоззрение Н. В. Гоголя (соотношение эстетического, этического и религиозного): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 24 с.; *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.; *Мелешко Е. Д.* Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006. 309 с.; *Мехед Г. Н.* Проблема абсолютности морали в этике и Канта и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 21 с.

делать?». В главе «Гамлетовское испытание» Вера Павловна спрашивает: «Стало быть, правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды?» Герой романа Дмитрий Лопухов отвечает: «Они говорят правду. То, что называется возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, — все это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе... Нет, Вера Павловна, эта теория холодна, но учит человека добывать тепло <...> эта теория прозаична, но раскрывает истинные мотивы жизни...». Гончаров, с его этическими установками, никогда бы не смог признать правоты Чернышевского и его героев. В письме к С. А. Никитенко от 8 июня 1860 г. он сделал следующее признание: «Представьте себе <...> донкихотскую борьбу лет тридцать с жизнью, представьте при этом и идеальное, ничем не сокрушимое направление, представьте непрерывное падение, обман за обманом, охлаждение за охлаждением, антиидеальные столкновения в внешней жизни и такое же отчаянное ни в чем удовлетворение в жизни внутренней... и в этой борьбе вся жизнь. Другие называют все это романтизмом, мирятся с жизнью, как она есть — и с чем же мирятся? Если б они мирились на основаниях религиозных, высоконравственных... — тогда бы я тотчас же согласился с ними..., а то они мирятся с ее маленькими, пошленькими благами — и вне сферы этих благ ничего не признают и никогда из нее не выглядывают, а кто выглядывает, того называют романтиком и мечтателем. Вот что составляет и будет составлять вечную мою тоску. Если я романтик, то уже неизлечимый романтик, идеалист» [6, т. 8, с. 333–334]. Такое же «охлаждение», «обман» испытывает и герой первого романа Гончарова — Александр Адуев, который в конце романа «мирится с жизнью», «с ее маленькими, пошленькими благами» и предстаёт перед читателем не романтическим юношей, а молодым мужчиной, у которого в тридцать лет появились плешь и заметное брюшко.

Творчество и духовно-этические поиски Гончарова приходились на переломную эпоху, когда религиозный и моральный идеализм, господствовавший в обществе, начал вытесняться «научной» картиной мира в связи с бурным развитием естественных наук. Наиболее ярким и последовательным философским выражением такого «научного» мировоззрения был распространившийся в Европе начиная с 1830-х гг. позитивизм. Это было философское течение, захватывавшее в сферу своего воздействия разнородные силы. Основоположником этого учения считается Огюст Конт. В числе его главных представителей, помимо Конта, были мыслители, выступившие несколько позже, — Дж. С. Милль, Г. Спенсер, Г. Бокль, Э. Литтре, Э. Ж. Ренан, а в России — В. Н. Лесевич, М. М. Троицкий, В. Н. Ивановский, П. Л. Лавров, К. К. Михайловский и др. [17, с. 349]. Влияние позитивистских идей испытали Т. Н. Грановский, И. М. Сеченов, А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев [1, с. 11], М. А. Бакунин [15, с. 27] и др. Как известно, позитивизм теснейшим образом связан с методами, свойственными естественным наукам, и исходит из понятия «позитивного» как данного, фактического, устойчивого, несомненного. В то же время метафизические объяснения позитивизм считает теоретически неосуществимыми и практически бесполезными. По своей этической сути позитивизм обречён на противостояние религии и всякому иному «идеализму».

Признавая роль позитивизма в развитии естествознания, науки, Гончаров активно протестовал против попыток позитивистов привнести естественнонаучные методы в учение о нравственности, в понимание человеческой природы и природы общественной жизни. Особенно его возмущало отрицание самой категории «идеального», понятия «души». Позитивизм предполагал отрицание философии как обобщающей науки в той же мере, как и отрицание религии. В работе вульгарного материалиста Л. Бюхнера «Сила и материя», во многом соприкасавшейся с методологическими установками позитивизма, об этом сказано: «Надо поставить науку на место религии, веру в естественный и ненарушимый миропорядок на место веры в духов и призраки, естественную мораль на место искусственной и догматической» [3, с. 283]. Против «разрушительных» тенденций позитивизма выступал, разумеется, не только Гончаров. С позитивистской «научной» этикой спорили и Ф. М. Достоевский, и Л. Н. Толстой, и многие другие писатели-современники. Сведение человеческой природы к чистой «биологии» и «физиологии» вызывало возражения Достоевского: «Вспомните о нынешних теориях Дарвина и других о происхождении человека от обезьяны. Не вдаваясь ни в какие теории, Христос прямо объявляет о том, что в человеке, кроме мира животного, есть и духовный. Ну и что же — пусть откуда угодно произошел человек (в Библии вовсе не объяснено, как Бог лепил его из глины, взял из камня), но зато Бог вдунул в него дыхание жизни...» [10, с. 212–213]. С позитивистскими воззрениями на природу человека полемизировал и Л. Н. Толстой. Е. Н. Купреянова заметила, что «одним из существеннейших аспектов социальной конкретизации воззрений Толстого явилась в “Анне Карениной” полемика с позитивизмом...» [11, с. 100]. При этом важно учесть, что полемика с позитивистской этикой развернулась в русском богословии, русской общественной мысли и в литературе в основном в 1860–1870-е гг. Либеральный лагерь, мировоззренческие принципы которого наиболее близки Гончарову, довольно резко отреагировал на проникновение позитивной философии в Россию ещё в начале 1860-х гг., начав атаку на атеистические и материалистические основы этого учения статьёй М. Н. Каткова «Старые боги и новые боги», опубликованной в журнале «Русский вестник» в феврале 1861 г.

В то же время позитивизм, как ясно уже и на примере самого Гончарова, не во всём был чужд либерализму. П. С. Шкуринов отмечает, в частности, что «переход к развитым формам либерализма был связан с определенными принципами позитивистского миропонимания» [18, с. 101]. Автор «Обрыва» весьма неплохо ориентировался в новом учении. Являясь цензором журнала «Русское слово», в задачи которого входило популяризировать идеи позитивистов в России, он, несомненно, глубоко вник в сущность и даже генезис этого учения. Известно, в частности, что он написал цензорские отзывы на такие работы Д. И. Писарева, как «Исторические идеи Огюста Конта» и «Популяризаторы отрицательных доктрин». Обе писаревские статьи представляют собой, в сущности, один труд, в котором весьма подробно анализируются исторические взгляды Конта, основанные на попытках «вписать» позитивные науки в многовековую историю человечества как основу единственно верного и единственно возможного «знания». При этом критик «Русского слова» не

просто пересказывал идеи французского философа, но и критически рассматривал их, создавая свою собственную «своеобразную концепцию истории человеческой культуры» [13, с. 393]. Прочитав статью «Исторические идеи Огюста Конта», предназначенную для 11 номера «Русского слова» за 1865 г., Гончаров как цензор настаивал на объявлении журналу второго предостережения, так как усматривал в статье Писарева «явное отрицание святости происхождения и значения христианской религии» [8, с. 148]. Почти с уверенностью можно сказать, что Гончаров читал и другие «позитивистские» статьи критика. В предисловии к роману «Обрыв» можно обнаружить скрытую полемику с Писаревым. В статье «Исторические идеи Огюста Конта» критик проводил мысль о том, что религия как форма общественного сознания постепенно вытесняется наукой, атеистическими воззрениями на мир. Эту общую тенденцию Гончаров улавливал и спорил с нею, в особенности с итоговыми выводами Писарева о необходимости полного вытеснения идеализма и религии из сознания современного человека. Романист пишет: «Уяснение религии, даже самое отрицание ее началось вместе с религией и идет параллельно. Только пылкой юности позволительно мечтать, что эти два параллельные потока уже сошлись у ней под ногами» [6, т. 8, с. 156]. С некоторыми трудами видных английских позитивистов Г. Бокля и Дж. С. Милля писатель соприкоснулся самым непосредственным образом. Об этом говорит, в частности, предисловие к его последнему роману, которое ясно показывает, что Гончаров внимательно прочёл книгу Г. Бокля «История цивилизации в Англии». Речь идёт о полемике с этой книгой английского философа. В своей книге мыслитель затрагивает одно из ключевых для гончаровской концепции этики понятий: понятие «прогресса». Бокль утверждает, что прогресс цивилизации предопределён не совершенствованием морали, а стало быть, и не опорой на религиозные догмы, но развитием и углублением научного познания. По сути дела, автор «Истории цивилизации в Англии» идёт даже на подчёркнутое противопоставление религии и научного познания в деле прогресса. Ни о какой «параллельности» у Бокля нет и речи. «Неоспоримо, — пишет он в своём труде, — что в целом мире нет ничего такого, что бы изменялось так мало, как те великие догматы, из которых слагаются нравственные системы. Делать добро другим, жертвовать для пользы их своими собственными желаниями, любить ближнего, как самого себя, прощать врагам, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тех, которые поставлены над нами — в этих правилах и в нескольких других заключается вся сущность нравственности, и к ним не прибавили ни одной йоты все проповеди, все наставления и собрания текстов, составленные моралистами и богословами... При неподвижности нравственных истин и при постоянном движении вперед истин умственных, в высшей степени невероятно, чтобы прогресс общества зависел скорее от нравственных знаний, сумма которых в течение нескольких столетий оставалась неизменною, чем от знаний умственных, приобретение которых в течение многих столетий постоянно подвигается вперед...» [2]. Против этих утверждений и направлены слова Гончарова: «Напрасно Бокль и подобные ему мыслители хотят измерить человеческий прогресс только мериллом знания — и в нем одном слить совершенствование человечества! Нравственное несовершенство, конечно, частью зависит

от неведения, но большею частью и от дурной и злой воли. А победа последней достижима не одним только ведением, но и силою воли! А потому заповеди и евангелие будут на этом пути единственными руководителями!» [6, т. 8, с. 156]. С большей симпатией воспринял романист идеи другого английского позитивиста Дж. С. Милля, выраженные в его трактате «О свободе». В этом трактате Милль не сходит с платформы буржуазной английской демократии, именно поэтому Гончарову оказались близки основные положения философа. Милль писал: «Есть граница, далее которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранить ее от нарушений, — это так же необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма... Люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения... Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать или что-либо не делать на том основании, что от этого ему самому было бы лучше... Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей...» [12, с. 152; 162–163]. Такой постановки вопроса о правах личности Гончаров не мог не приветствовать. Это видно хотя бы по его статье «Нарушение воли», в которой он ссылается именно на опыт английской буржуазной демократии [6, т. 8, с. 122]. А в «Необыкновенной истории» Гончаров писал: «Уважение к частным делам, к частным, интимным отношениям, интересам, мыслям, речам — я считал и считаю не только обязательным и неизбежным нравственным долгом честных людей, но и делом мудрой, высшей политики государственной!» [7, т. 7, с. 394]. Не случайно Гончаров как цензор выступил на заседании Совета по делам печати с защитой книги Милля, возражая цензору О. А. Пржецлавскому, который требовал запретить публикацию трактата «О свободе» на русском языке [13, т. 2, с. 402]. В учении позитивистов о нравственности, о природе человека Гончаров активно не принял три взаимосвязанных принципа: вульгарное, химико-физиологическое понимание человека; отсутствие в позитивистской модели человека понятия свободной воли и утилитаристское (по И. Бентаму) понимание морали.

Все эти принципы естественно вытекают из позитивистского отрицания «идеального», собственно «духовного» в человеке и сведения его природы к чисто биологическому началу. В «Необыкновенной истории» Гончаров возмущается: «Анализ века внес реализм в духовную, моральную, интеллектуальную жизнь <...> и силою ума и науки хочет восторжествовать над природой. Все подводится под неумолимый анализ: самые заветные чувства, лучшие высокие стремления, драгоценные тайны и таинства человеческой души — вся деятельность духовной природы, с добродетелями, страстями, мечтами, поэзией, — ко всему прикоснулся грубый анализ науки и опыта» [15, т. 7, с. 400]. В результате самый «разум и его функции — оказываются чистой механикой, в которой даже отсутствует свободная воля! Человек неповинен, стало быть, ни в добре, ни в зле: он есть продукт и жертва законов необходимости, никем не начертанных, а прямо поставленных слепую природой и устраняющих Бога и все понятия о миродержавной силе!» [4, с. 272].

Мы уже упомянули о том, что позитивизм и вульгарный материализм начинают широко проникать в Россию сравнительно поздно, в 1860-е гг. Тогда же русская литература начинает активно выступать против главных этических посылов позитивизма, рассматривающего человека как набор механических и биологических функций при отсутствии свободной воли и духовной природы. Так или иначе против подобного понимания человека в это время выступают многие русские писатели. Общим местом стало представление о том, что едва ли не первым, кто вывел образ доморощенного философа-позитивиста, был И. С. Тургенев, который в романе «Отцы и дети» вложил в уста Базарова реплики, выдающие в нём весьма примитивный подход к человеческой природе «Люди что деревья в лесу» и пр. Однако факт состоит в том, что уже в 1840-е гг. Гончаров впервые обозначает в романе «Обыкновенная история» весьма негативные по своей сути этические установки позитивистской философии, которая проявляется в речах Петра Ивановича Адуева. Первый роман Гончарова «Обыкновенная история» был опубликован в 1847 г. Именно на это время в Европе приходится расцвет естественных наук, которые резко изменили картину развития общественной жизни и самый способ мышления европейского человечества. Это такие науки, как физиология, анатомия, математика, химия. Вот отчего в словаре «передового» петербургского человека Петра Адуева встречаются слова и выражения, выдающие его примитивный, в духе вульгарного материализма и позитивизма, подход к человеку. По его мнению, в человеке всё поддаётся простейшему объяснению, никакой «тайны» человека как создания Божиего не существует. В этом петербургский сановник 1840-х гг. выступает как прямой предшественник недоучившегося студента эпохи 1860-х гг. — тургеневского Евгения Базарова. Базаров сыплет афоризмами, вроде «люди что деревья в лесу», «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта...», «проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться... загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество» и пр. Пётр Адуев, который хотя и ходит в театр, знает Пушкина наизусть и пр., но уже «подтягивается» к этим афоризмам, восклицая своему племяннику: «Спусти пар», «закрой клапан» и пр. Человек ему представляется простейшим механизмом без всякой «тайны», без всякой непредсказуемости. Даже такое чувство, как любовь, он сводит к физиологии, к действию «электричества»: «Влюбленные — все равно что две лейденские банки: оба сильно заряжены; поцелуями электричество разрешается, и когда разрешится совсем — прости, любовь, следует охлаждение...».

Образ Петра Адуева всегда рассматривался лишь как идейная оппозиция романтику Александру Адуеву и сводился к определению: «буржуазный прагматизм». Идеология Петра Адуева пока ещё не оценена с точки зрения её принадлежности к определённой философии. При внимательном взгляде на этот образ легко обнаружить именно этическую философию позитивизма. Вызывает удивление тот факт, что Гончаров уже в 1840-е гг. сумел увидеть, что «железный век», о котором писал в это время Е. А. Баратынский и многие другие, конкретизируется не в общем «прагматизме», «антиромантизме», а в философии зарождающегося позитивизма. Очевидно, Гончаров не просто почувствовал наступление эпохи естественных наук, но и познакомился с трудами Конта и его последователей. Основное произведение

Конта «Курс позитивной философии» в 6 томах было издано в 1830–1842 гг. — и Гончаров, много читавший в это время на главных европейских языках, вероятно, был с ним знаком. Во всяком случае, его, несомненно, могла заинтересовать социология Конта (4–6 тома) и, возможно, «Астрономия и физика» (том 2) и «Химия и биология» (том 3). Ведь состав личной библиотеки Гончарова, ныне известный лишь в своей малой части, свидетельствует о том, что писатель на протяжении многих лет внимательно следил за развитием естественных наук. В его библиотеке оказалось много научно-популярных изданий. В частности, он был знаком со статьями известного английского физика Д. Тиндаля [16]², с книгой американского естествоиспытателя Д. Дрепера, издавшего в своё время работу «История умственного развития Европы», которая пользовалась популярностью в России в середине 1860-х гг., — «Конфликт науки и религии» (1875), с трудами французского химика, автора работ по истории науки Л. Фигье, с книгами известного французского астронома К. Фламариона и т.д. Характерно, что писатель сумел объективно оценить значение того действительно важного, что сделал Ч. Дарвин. В статье «О пользе истории» он писал: «Новая <...> наука в лице Дарвина и других создала закон о наследственности, который и прежде чувствовали и признавали все мыслящие люди... Тот же духовный закон наследственности проходит по всей истории» [5]. Весьма характерно, что в параллель с «материальной» наследственностью, открытой английским учёным, Гончаров говорит о «духовном законе наследственности».

Писатель серьёзно следил за развитием науки. В предисловии к «Обрыву» он заметил: «Нельзя жертвовать серьёзными практическими науками малодушным опасениям незначительной части вреда, какая может произойти от свободы и широты ученой деятельности. Пусть между молодыми учеными нашлись бы такие, которых изучение естественных или точных наук привело бы к выводам крайнего материализма, отрицания и т.п. Убеждения их останутся их личным уделом, а учеными усилиями их обогатится наука» [6, т. 8, с. 156]. Пока позитивизм не вторгается в область этики, морали, религии, объяснения природы человека, Гончаров готов признавать его заслуги. Любопытно, что даже приравнивание психических процессов к механическим не слишком его смущает. Во всяком случае, в письме к Е. А. и С. А. Никитенко от 16 августа 1860 г. он буквально и без всякой иронии воспроизводит весь «позитивистский» дух речей Петра Адуева: «Припадки жизненной лихорадки... это своего рода пар, который требует не того, чтоб выбрасывали его беспорядочно или задыхались от него, а чтоб применяли его к делу, к рельсам и колесам, пользовались им и садились читать, писать или делали что кому назначено» [6, т. 8, с. 305]. Деятельная направленность психической жизни человека — вот чего ищет Гончаров и вот что находит родственного и здорового в позитивизме. Приведённое выше сравнение человека с паровозом обнаруживает, что писатель (в отличие, например, от Достоевского) признаёт за позитивизмом определённые права — в рамках цивилизаторской философии «преобразующей деятельности».

² О книгах европейских учёных в библиотеке писателя см.: Описание библиотеки И. А. Гончарова. Каталог. Ульяновск, 1987. С. 106–119.

Научный дух познания, направленного на преобразующую деятельность человека и человечества, оказывается тем здоровым зерном в позитивистской философии, которую автор «Обрыва» приемлет. Однако когда позитивисты пытаются вторгнуться в духовную, моральную область, в область «тайны» человека и его связи с Творцом, Гончаров становится непреклонен в отрицании этого учения. Как всегда, Гончаров диалектически, взвешенно подходит даже к самым, казалось бы, неприемлемым для него идеям, пытаясь найти в них и положительное. Отсюда образ Петра Адуева в «Обыкновенной истории» дан в неоднозначной подсветке. Хорошо чувствуя дух времени и усваивая новый лексикон («пар», «электричество» и пр.), Адуев оказывается совершенно беззащитным там, где речь идёт о, казалось бы, простых человеческих вещах: любовь, дружба, семья. Это прямо предваряет драму Евгения Базарова. В создании образа первого русского позитивиста Гончаров опередил современников на два десятка лет. Это было, несомненно, художественное открытие автора «Обыкновенной истории», открытие, не оценённое по достоинству и до нынешнего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белопольский В. Н. Достоевский и позитивизм. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 76 с.
- 2 Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. СПб.: Изд-во Н. Тиблена, 1863. Т. 1.
- 3 Бюхнер Л. Сила и материя. М.: Изд-во А. И. Васильева, 1906. 291 с.
- 4 Гончаров И. А. Необыкновенная история // Лит. наследство. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования / отв. ред. С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. Вступ. ст., подг. текста и коммент. Н.Ф. Будановой. С. 184–304.
- 5 Гончаров И. А. О пользе истории: Неизвестная статья И. А. Гончарова / публ. М. Блинчевской // Неделя. 1965. № 32. 1–7 августа. С. 21.
- 6 Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1952–1955. Т. VIII: Статьи, заметки, рецензии, письма / подг. текста и примеч. А. П. Рыбасова, А. П. Могилянского и М. Я. Полякова. 1955. 576 с.
- 7 Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1977–1980. Т. 7: Очерки, автобиографии, воспоминания. Необыкновенная история / подг. текста и коммент. В. А. Недзвецкого. 1980. 462 с.
- 8 Гончаров И. А. Цензорские отзывы (21). 1866 год / коммент. В. Е. Евгеньева-Максимова // Голос минувшего. 1916. № 12.
- 9 Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 474 с.
- 10 Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л.: Изд-во Academia, 1934. Т. 3. 396 с.
- 11 Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966. 324 с.
- 12 Милль Д. С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. 389 с.
- 13 Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2 / подг. текста, вступит. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. 652 с.
- 14 Д. И. Писарев об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1984. 416 с.
- 15 Пустарнаков В. Ф. М. А. Бакунин как философ // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 576 с.

- 16 Тиндаль Д. Речи и статьи. М.: Тип. В. М. Фриш, 1875. 190 с.
- 17 Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
- 18 Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 416 с.

* * *

Melnik Vladimir Ivanovich,

Dsc in Philology,

Professor of Linguistics and Literature Studies Department,

FSBI HPE «The State Academy of Slavic Culture»,

Khibinsky proezd 6, 129337, Moscow, Russian Federation

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

PRECIOUS SECRETS AND SACRED MYSTERIES OF HUMAN SOUL (I. A. Goncharov in ethics disputes of his time)

Abstract: The paper gives the definition of moral and ethical ideas of I. A. Goncharov in the context of his disputes with modern positivism and vulgar materialism. Art, censors, critical and epistolary texts of Goncharov, as well as his library, which has been partially preserved up to our days, it all shows the deep interest of the writer to the works of contemporary philosophers positivists, with whom he argued, starting from the first novel «A Common story» and to the novel «The Precipice» and «An Uncommon Story». I. Goncharov was acquainted with the works of G. Buckle, J. Mill and other philosophers of positivist trend. The point of the dispute is that Goncharov was indignant at the attempts to build morality not on the traditionally religious grounds, but on «scientific principles». The debates of I. Goncharov with positive ethics were especially active in 1860–1870-s, in the novel «The Precipice» one of the main characters is the image of the nihilist Volohov. However, the writer drew the figure of the first in Russian literature positivist Aduiev in his first novel, and it anticipated in part the character of Bazarov (the novel «Fathers and Sons» of Turgenev). Goncharov's own ethics was built on the basis of religion.

Keywords: Goncharov, ethics, novels, positivism, vulgar materialism, science, analysis, Comte, Mill, Buckle, Pisarev, religion, soul.

REFERENCES

- 1 Belopol'skij V. N. *Dostoevskij i pozitivizm* [Dostoevsky and positivism]. Rostov na Donu, Izd-vo Rostovskogo un-ta Publ., 1985. 76 p.
- 2 Buckle H. T. *Istorija civilizacii v Anglii: v 2 t.* [The history of civilization in England]. St. Peterburg, Izd-vo N. Tiblea Publ., 1863. Vol. 1.
- 3 Buechner L. *Sila i materija* [Kraft and Stoff]. Moscow, Izd-vo A. I. Vasil'eva Publ., 1906. 291 p.
- 4 Goncharov I. A. Neobyknovennaja istorija [An Uncommon Story]. *Lit. nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Izd-vo IMLI RAN, «Nasledie» Publ., 2000. Vol. 102: I. A. Goncharov.

-
- Novye materialy i issledovanija [New materials and research], otv. red. S. A. Makashin, T. G. Dinesman, vstup. st., podg. teksta i komment. N. F. Budanovoj, pp. 184–304.
- 5 Goncharov I. A. O pol'ze istorii: Neizvestnaja stat'ja I. A. Goncharova [On the Benefits of History. An Unknown paper by I.A. Goncharova] / publ. M. Blinchevskoj. *Nedelja* [Week], 1965, № 32, 1–7 avgusta, p. 21.
 - 6 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952–1955. Vol. VIII: Ctat'i, zametki, recenzii, pis'ma [Vol. VIII. Papers, essays, critical reviews, letters], podg. teksta i primech. A. P. Rybasova, A. P. Mogiljanskogo i M. Ja. Poljakova. 1955. 576 p.
 - 7 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1977–1980. Vol. 7: Ocherki, avtobiografii, vospominanija. Neobyknoennaja istorija [Vol. 7: essays, autobiographies, memoirs. An Uncommon Story], podg. teksta i komment. V. A. Nedzveckogo. 1980. 462 p.
 - 8 Goncharov I. A. Cenzorskie otzyvy (21). 1866 god [Censor reviews], komment. V. E. Evgen'eva-Maksimova. *Golos minuvshego* [The Voice of the Past], 1916, № 12.
 - 9 Gusejnov A. A., Irrlitc G. *Kratkaja istorija jetiki* [A Brief History of Ethics]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 474 p.
 - 10 Dostoevskij F. M. *Pis'ma: v 4 t.* [Letters]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Academia Publ., 1934. Vol. 3. 396 p.
 - 11 Kuprejanova E. N. *Jestetika L. N. Tolstogo* [Aesthetics]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 324 p.
 - 12 Mill J. S. *Utilitarianizm. O svobode* [Utilitarianism. On Liberty.]. St. Peterburg, Tip. A. M. Kotomina Publ., 1882. 389 p.
 - 13 Nikitenko A. V. *Dnevnik: v 3 t.* [Diary]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. Vol. 2, podg. teksta, vstupit. st. i primech. I. Ja. Ajzenshtoka. 652 p.
 - 14 D. I. Pisarev *ob ateizme, religii i cerkvi* [D. I. Pisarev on Atheism, Religion and the Church]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 416 p.
 - 15 Pustarnakov V. F. M. A. Bakunin kak filosof [Bakunin as a Philosopher]. *Bakunin M. A. Izbrannye filosofskie sochinenija i pis'ma* [Selected Philosophical Works and Letters]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 576 p.
 - 16 Tyndall J. *Rechi i stat'i* [Speeches and papers]. Moscow, Tip. V. M. Frish Publ., 1875. 190 p.
 - 17 *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Am Encyclopedia Dictionary of Philosophy]. Moscow, Infra-M Publ., 1997. 576 p.
 - 18 Shkurinov P. S. *Pozitivizm v Rossii XIX veka* [Positivism in Russia in XIX century]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1980. 416 p.